

Стенограмма беседы Константина Паустовского и Юрия Олеши о новелле хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства. История этой беседы такова.

10 ноября 1939 года в Москве открылись курсы-конференция ССП для писателей РСФСР.

«Цель и задача наших курсов-конференции — представить возможность товарищам, живущим на периферии, — сказал во вступительном слове А. А. Фадеев, — встретиться в Москве с хорошими работниками в области не только литературы, а и смежных искусств для товарищеского разговора, для обмена творческим опытом».

27 ноября 1939 года на курсах-конференции выступили Константин Паустовский и Юрий Олеша.

Паустовский и Олеша не ощущали особого пристрастия к теоретизированию на литературные темы. Да и молодых

писателей интересовали не столько теоретические, сколько творческие проблемы. Это видно по вопросам, которые были заданы участниками конференции Паустовскому и Олеше. Поэтому нет ничего удивительного, что разговор о новелле не вышел за пределы самых общих замечаний о ней. Ценность выступлений Паустовского и Олеши, как мне кажется, не в том, что они проливают новый свет на теоретические проблемы, вокруг которых много лет не затихают споры, а в том, что они открывают дверь в творческую лабораторию своеобразных русских писателей, наглядно показывая, что литературные взгляды художника тесно связаны с его творческим опытом.

Паустовский не раз признавал, что меньше всего он стремится к созданию острой и захватывающей фабулы. Ориентируясь скорее на законы поэзии, чем на законы прозы, он видит главное свойство новеллы в малой

площади, на которой спрессовано большое содержание. Юрий Олеша — поборник искусно выстроенного сюжета, изобилующего мотивированными неожиданностями (вспомним, с каким восхищением говорит он о развитии одной из историй в «Принце и нищем» Марка Твена: «Мне кажется, что весь этот ход является одним из лучших сюжетных изобретений в мировой литературе, стоит в первом их десятке»). Он считал важнейшим признаком новеллы напряженность и фабульный драматизм.

Многое из того, о чем рассказали Олеша и Паустовский, вошло затем в преобразованном виде в более поздние книги — «Золотую Розу», «Повесть о жизни» Паустовского, «Ни дня без строчки» Олеши. Знакомство с выступлениями выдающихся советских писателей дает нам возможность стать свидетелями процесса работы над этими книгами.

Л. ЛЕВИЦКИЙ

дит: от отсутствия опытности, отсутствия сил, неумения... Я знаю прекрасных писателей, которые писали очень легко.

ВОПРОС. Вы говорите, что пишете довольно трудно, но когда читаешь «Зависть», кажется, что она написана легко — «Золотую Розу», «Повесть о жизни» Паустовского, «Ни дня без строчки» Олеши. Знакомство с выступлениями выдающихся советских писателей дает нам возможность стать свидетелями процесса работы над этими книгами.

ОЛЕША. Стоит ли вспоминать такую древнюю вещь? Это первая моя книга. Мне совестно говорить о «Зависти». Пора пере-

работал я над ней один год в Ленинграде. Мне приходилось создавать мир, который я никогда не видел. Надо было показать Европу, а ее я знаю через музыку, литературу, живопись. Было много фантастического, нереального, но кое-что мне удалось сделать. Теперь буду работать над комедией.

Сейчас у нас очень слабо с драматургией. Хотя Паустовский выступал против драмы, но мне кажется, что драма сейчас нужна. Дра-

нию, я лично не знал Грина...

ВОПРОС. Как рождались «Северные рассказы»?

ПАУСТОВСКИЙ. «Северные рассказы» рождались очень долго. Их тема меня занимала несколько лет. Я знал, что напишу в общих чертах. Я вернулся к этим «Северным рассказам», а пока скажу относительно плана. Какого-либо плана я не составляю. Раньше, когда начинал писать — составлял. Почему, не знаю. Может быть, потому, что слышал, что такие планы нужны. Как только я начинаю работать, — план летит к чертям. Герои, как только они оживают и выходят из эмбрионального состояния, ломают план.

сандровичем Бондариним сидели на волнорезе и удил бычков. Был солнечный день, кругом валялись заржавленные мины. Я оглянулся на Одессу, она была в тот день одета в солнечную пыль... У меня мелькнула мысль — почему героем, главным действующим лицом книги не может быть море? Второй толчок я получил, когда начал писать, толчок тоже чисто пейзажный. На меня произвел впечатление юг Крыма. Когда на горизонте появились торжественные, замечательные берега — я в этот момент ощутил историю, начиная со скифов. Это не то, что читаешь исторический учебник — здесь говорит сама земля. Все это оживило историю Крыма передо мной, от первых времен до Шмидта, «Потемкина». Тогда у меня появилась мысль написать книгу, героем которой было бы Черное море.

Мной была задумана художественная энциклопедия Черного моря. Та, что вышла. — это только первая часть. Я считал так: надо взять все побережье Черного моря, каждый пункт, связанный с чем-то очень интересным в любой области истории, литературы, этнографии. Например, Николаев, Керчь и другие. Когда я начал работать, я увидел, что не одну новеллу, а несколько нужно написать по каждому пункту, увидел, что это громадная работа.

Насчет «Северных повестей» меня спрашивают — как они родились? Все, что изложено в «Повестях», меня давно очень волновало. Но это могло вылиться в совершенно другую форму. Все могло происходить не на севере, а на юге и в другой области и в другую

эпоху, почему же это связано с севером?.. Я страшно люблю архитектуру Ленинграда. Ленинград надо смотреть белыми ночами. Вообще его нужно смотреть во всякое время, но понимаешь всю гениальность архитектуры этого города только белыми ночами, когда здания и все арки теряют весомость, остаются только линии. Это совершенно магические белые ночи. Я каждый год на этот период еду в Ленинград, и две-три недели брожу ночами по городу.

Изучение архитектуры города родило мысль, что только здесь должна вернуться вся история, которая была задумана.

ВОПРОС. Когда я читал ваш рассказ «Доблесть», который можно назвать удивительной сказкой, у меня создалось впечатление, что он писался автором в состоянии крайней возбудимости.

Верна ли моя догадка? Это вопрос, относящийся к лаборатории творчества. Правильно ли я поняла, или этот рассказ был работой не мгновенной, а был написан в течение долгого времени? И как удалось передать это волнение, которое вы чувствовали, когда писали?

ПАУСТОВСКИЙ. Да, этот рассказ — импровизация. Он родился мгновенно и мгновенно написан.

Писал я в состоянии волнения. Почему — сказать не могу. Я приехал от зимы, была слякоть, грязь. Ощущение от зимы, как от черного, мокрого асфальта. В состоянии такой черноты я прожил два месяца. Случайно мне пришлось уехать на юг, и я въехал в какую-то сказочную страну: как бритвой, отрезало туман и мрак. Для появления замысла нужен иногда ничтожный толчок. Здесь толчок имел отношение к природе...

Публикация А. ВАЖЕНЮИ

К. ПАУСТОВСКИЙ и Ю. ОЛЕША ДИАЛОГ О НОВЕЛЛЕ

ПАУСТОВСКИЙ. ...Поговорим о новелле. Никакого точного определения этого слова нет. Новеллу можно сравнить с надписями на камнях и перстнях, которые делались в средние века, то есть на маленькой площади нужно поместить очень значительное содержание.

Новелла отличается от остальной прозы своей краткостью. У меня такое ощущение, что это повесть, сведенная на две-три страницы. Для того чтобы вместить в сжатой форме очень большое содержание, необходимо проявить большую скупость. Секрет новеллы — большая ясность языка...

Я не буду разбирать всякие теоретические вопросы. Для большинства писателей это опасно. Мне это напоминает — вы, вероятно, слышали ее — басню о сороконожке и жабе. Сороконожка имеет 40 ног, причем одновременно двигает четырьмя ногами. Ум-

ная жаба ее спрашивает: как ты это делаешь, как ты выставляешь ноги? Сороконожка над этим задумалась и... разучилась бегать. Если я начну разлагать на части свою работу, анализировать ее, то, конечно, ничего не сделаю. Поэтому давайте не будем заниматься теорией. Я расскажу о своем опыте, как я работаю.

Вообще давать какой-то рецепт молодым писателям невозможно. Я сейчас занимаюсь со студентами Литературного института. Я им говорю: научить человека сделать писателем нельзя, если у него нет достаточно данных, которые можно развить.

ОЛЕША. Что можно сказать о новелле? Повторить то, что здесь говорил Паустовский, — он упустил лишь из виду, что дело не только в величине, в краткости, но и в сюжете.

В повести сюжет играет другую роль. Новелла —

это рассказ о происшествиях. Были новеллы декадентские о всяких чудесах — но это не новелла. Новелла — маленький рассказ о каком-то удивительном событии, поражающем воображение.

Я меньше всех могу кого-нибудь из вас, молодых товарищей, убедить, потому что я пишу очень трудно. Испысываю огромное количество страниц, а в конечном результате получается очень мало. Когда я печатаю критическую статью-рецензию, то можете верить или не верить, но у меня уходит на нее странички шестьдесят. Я не знаю, почему это происхо-

дит: от отсутствия опытности, отсутствия сил, неумения... Я знаю прекрасных писателей, которые писали очень легко.

ВОПРОС. Мне кажется, что тема сегодняшней беседы суживает возможности нашего разговора. Хотелось поговорить о вашем опыте. Элементарное представление о новелле мы имеем. Расскажите о себе, о вашей последней работе.

ОЛЕША. Последняя работа у меня была очень большая. Я писал пьесу.

ма, трагедия учат нас, как жить. Поэтому я думаю, что драма сейчас главный для художников вид искусства. Конечно, это тоже не предписание, не рецепт.

ВОПРОС. Газетную работу вы не бросили?

ОЛЕША. Я бросил ту газетную работу, которой когда-то занимался. Я отбил от этой работы. Пишу рецензии в «Литературной газете». Люблю это дело.

ВОПРОС. В основу «Черного моря» легли фанты биографии Грина?

ПАУСТОВСКИЙ. Один из героев «Черного моря» — Гарт. Прототипом Гарта является Грин. К сожалению,

Едва в начатой вещи человек «оживает», он начинает действовать так, как ему нужно, и вы с ним ничего не можете поделать. Он живет так, как пушен в жизни вами. Обычно бывает так: общее представление о вещи есть, тема, мысль есть, а также несколько образов...

А иногда — только один. Этот образ вас настолько занимает, что вы начинаете писать, имея смутное представление о теме. Один образ распуцывает и вытаскивает иногда большие вещи.

Как будто бы случайное впечатление вызвало «Черное море». Лет десять тому назад мы с Сергеем Алек-